

Мариям Бижикиева

Иллюстрация: Олег Хе

ПОДСЕЛЕНЕЦ

Если снег падает вверх

16+

Мариям Бижикиева

**Подселенец. Если
снег падает вверх**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Мариям Бижикеева

Подселенец. Если снег падает вверх / Мариям Бижикеева —
«ЛитРес: Самиздат», 2015

Люди часто благодарят своих ангелов за чудесное исцеление, спасение жизни, за рожденных детей и настоящих друзей. Но достаточно ли слов благодарности, когда таким ангелом становится блуждающий Дух? Окружив героиню вниманием и заботой, он намерен получить за свои труды больше, чем признательность — ее любовь. Она оказывается перед выбором: либо избавиться от Духа, ценой собственной жизни, либо смириться с его присутствием, признав фантом своим пожизненным опекуном.

© Мариям Бижикеева, 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Глава 1

По заснеженному полю медленно двигалась фигура в черном балахоне. Силуэт высокого, но заметно истощенного и сгорбленного мужчины выделялся на абсолютно белом полотне равнины. Шел он медленно, еле перебирая ногами, все больше и больше погружаясь в сугробы. Когда тело почти наполовину оказалось в снегу и идти стало невозможно, он остановился и поднял голову. Снег снова повалил. Мужчина ждал его на земле, как ждут письма от дорогого человека, и всматривался в каждую мимо пролетающую снежинку, как будто мог пропустить слово из зашифрованного послания. «Дай мне еще один шанс, Господи. Дай мне еще один шанс... Один... шанс... Прошу... Помилуй... меня... грешного... раба... твоего», – шептал он, лоя безумным взглядом темных глаз падающий снег.

Не чувствуя отмороженных ног и рук, он сначала упал на колени, а потом, отчаянно сопротивляясь притяжению, рухнул лицом в снег. Сугроб мягко принял его тело. Спустя некоторое время мужчина медленно перевернулся на спину. На синюшном от холода лице замерзали слезы. Человек тихо сглатывал рыдания, и только кадык двигался вверх-вниз, преодолевая сопротивление пасторского грязного черно-белого воротничка-ошейника. Снегопад заметно усилился, быстро и бесшумно заметая борозду его пути. День угасал, превращая все происходящее вокруг в черно-белое кино. Белый снег на черном фоне неба падал вниз, покрывал лицо мужчины белой вуалью, но уже не таял. Пороша постепенно стирала с белого полотна земли длинную черную фигуру мужчины в поношенном пальто поверх черной рясы.

Весть о том, что близ болота Тикша около одноименного поселка был обнаружен труп служителя католической церкви, быстро облетела Муезерский район Карелии. Благодаря необычно холодной зиме, труп неплохо сохранился. О печальной находке узнал и епископ республики, запросив у сотрудников морга информацию о личности, которую он намеревался использовать для поиска родных умершего. Проявленные фотографии трупа в католической рясе служитель Никольского храма на Муезере вложил в письмо Епископу Филарету, прилагая к ним и словесное описание:

«Приветствую Вас, Ваше Преосвященство. По Вашей просьбе отправляю Вам описание, личные вещи и фотографию недавно обнаруженного пастора. В том, что это служитель католической церкви, сомнений нет. Судя по документам, он родом из Словении и состоял на службе в католическом Соборе святого Николая города Любляны. Не знаю, как он к нам добрался, но судя по сношенной одежде и обуви, отшельничал он много лет. Думаю, его, как и многих других отшельников, привлекли руины старого мужского монастыря, что неподалеку. Но, как уже понятно, не дошел. По документам, ему сорок пять лет, но выглядит он старше. Недлинная седая борода, впалые щеки, и, в целом, изможденный вид. По всей вероятности, он замерз. При нем был тряпочный узелок, в котором мы и обнаружили документы. Кроме них мы нашли карманную католическую Библию, или, как они ее называют, Вульгату. Видимо, читал он ее частенько. Она очень потрепанная с заметками на полях. Слова перевести не могу. На некоторых полях просто знаки вопроса.

Что касается самого трупа, то его в морге омыли и пригласили настоятеля Петрозаводского католического храма провести обряд погребения по всем полагающимся канону правилам. Из своих наблюдений могу отметить, что мужчина необычно высокого роста – не менее двух метров точно. Такого служителя, даже если он давно покинул свой собор, должны помнить прихожане Любляны. Сделал как можно больше фотографий, и, надеюсь, в Соборе святого Николая его смогут быстро опознать и дать обратную связь. Пока же Дамиана Ашич, как указано в документах, обнаруженных во внутреннем кармане пальто, похоронят на католическом кладбище Петрозаводска.

Р. С.: Пока искали в официальных регистрах пастора с именем Дамиан, выяснилось, что со словенского оно переводится «покоритель» или «убивающий». Вот же ирония судьбы иметь пастору такое имя».

Спустя несколько месяцев слухи о найденном зимой в поселке Тикша покойнике получили продолжение: труп действительно принадлежал служителю католического собора города Любляны, но на момент гибели он уже лет пятнадцать как числился пропавшим без вести. Самое интересное в этой истории было то, что перед тем, как исчезнуть, Дамиан Ашич сложил свои полномочия после скандала личного характера. Как оказалось, пастор был не очень богобоязненным и вступил в связь с местной замужней прихожанкой. Любовь к женщине была настолько сильна, что он оставил службу и потребовал от нее развода с законным супругом. Но она отказалась, сожалея о порочной связи, которая стала возможной из-за слабости своего духа и веры, предложив забыть все, что между ними произошло. Пастор в собор после этого не вернулся, а через три года после неудачных поисков его объявили пропавшим без вести.

История так взволновала жителей района, что местная газета написала небольшой некролог о покойном, почтенно умолчав о личной драме пастора. Но фотография (из-за которой, по большому счету, и был написан некролог, так как всем хотелось посмотреть на него при жизни) была качественной. Ею поделился служитель храма, в котором когда-то числился пастор, в ответ на запрос епископа для дистанционного опознания. На сайте газеты фотография получилась немного мутной, но это не мешало разглядеть черты лица: большие карие глаза, черные длинные ресницы, темно-каштановые брови идеальной формы, высокие скулы, немного впалые щеки, не сильно выраженная квадратная челюсть и неожиданно пухлые губы. Мужчина был красив, но выглядел холодным и даже отстраненным. Хотя, если учесть, что это была фотография пастора, такая отстраненность была делом привычки.

Проводить пастора пришло все село, и даже жители соседних районов. Но хоронили находку, к сожалению собравшихся, в закрытом гробу. Это стало поводом для очередной волны слухов. Например, о том, что труп пастора хорошо сохранился и, чтобы у провожавших не было соблазна сделать фотографии несчастного, гроб открывать не стали. Однако портрет на каменную плиту все же разместили.

Глава 2

– Мне нужна помощь... Я сильно замерз, – Дамиан понимал по-русски и даже мог изъясняться простыми предложениями. Он рассчитывал, что этого будет достаточно, чтобы его поняли. Но охрана на входе в больницу просто проигнорировала мужчину. Тогда темный силуэт вошел в автоматически открывающиеся двери.

Зажав руки в подмышках, он, не глядя вперед и не замечая людей, оказался в освещенном холле приемного отделения. Дамиан околел настолько, что еле плелся к стойке дежурного. Медработники, снующие из здания больницы и обратно, не обращали никакого внимания. Ему ничего не оставалось, как покорно встать в очередь. Прошло минут пятнадцать, и он наконец оказался перед женщиной в белом халате за стойкой. Быстро попросить помощи не получилось: пока он мямлил и вспоминал русские слова, дежурная повернулась к стоящей за ним девушке.

– Слушаю вас, Марта, – женщина вытянула шею и прищурила близорукие глаза.

– Мне график дежурства отделения хирургии, пожалуйста.

– Сейчас глянем, – дежурная уткнулась в экран монитора, застучав полными пальцами по клавиатуре.

Мужчина в пасторской рясе резко обернулся. Он отстоял очередь и мертвецки замерз, а на него даже не посмотрели, не говоря о том, чтобы выслушать. Девушка, общавшаяся с дежурной медсестрой, тоже не обратила на него внимание. Он испепелял ее взглядом, пытаясь вслух возмутиться отношением к людям, которым действительно нужна помощь, но от переполнявшей злости, не смог вымолвить ни слова. Марта, как ее назвали, стояла рядом, с нетерпением ожидая результата поиска.

– Марта, держите ваш график. Вроде без изменений. У вас будут правки?

– Нет-нет. Я по просьбе Давида. Он говорит, кто-то хотел в отпуск уйти, а кто именно, не помнит.

Девушка, постепенно продвигаясь к дежурной, оказалась прямо перед немолодым мужчиной. Он еле сдерживался, чтобы не прикрикнуть на нее, но боялся, что тогда ему как иностранцу могут отказать в помощи. К своему удивлению, он даже перестал мерзнуть и наконец выпрямился. «Невозможно, чтобы меня никто не заметил», – подумал он и оглянулся. Люди, подходившие и отходившие от стойки дежурного, едва задевали его, но не выталкивали из очереди, как это обычно бывает в городских больницах.

Марта, сделав два шага вперед, остановилась, подняла голову и увидела мерцающий свет люминесцентной лампы. Она оказалась прямо перед ним, но ему было неловко высказывать свою претензию, и он отступил. Девушка еще несколько секунд смотрела ему прямо в глаза без каких-либо эмоций и двинулась вперед. Дамиан не успел даже вскинуть руки, чтобы не столкнуться с ней, и врач прошла сквозь.

Мужчина встал как вкопанный. Только сейчас он начал понимать, что девушка его не видела. Его вообще никто не видел. Он как бы был пустым местом. Дух обхватил ладонями голову и едва не упал на колени. Лампа, часто моргавшая над его головой, в последний раз щелкнула и лопнула. Зал, заполненный людьми, дружно охнул. Никому не было дела до Дамиана, и он, шатаясь, пошел к выходу. Бесконечная больничная суматоха не прерывалась ни на минуту, но люди не чувствовали как темная тень прошла сквозь них. Дамиан особо не всматривался в живых. Единственное, что осталось в его памяти, – это лицо девушки-врача с детскими кудряшками и ясными серыми глазами.

Взрывающиеся лампочки не были редкостью для холла больницы. Они, не выдерживая круглосуточного режима работы, сгорали за два-три месяца и тут же обновлялись техническим персоналом. Но, услышав хлопок, Марта вздрогнула. Она обернулась и увидела, как к

выходу шел высокий мужчина в черной рясе. Это было неожиданно. Врач бы обязательно его заметила, когда была у стойки дежурного, но его там не было. Быстро войти и выйти, пока она шла к лестнице в семи метрах от дежурного, мужчина не мог. Силуэт двигался против людского потока, но никто на него не реагировал. Не было даже намека на сопротивление. Кроме того, Марта знала, что его не выпустят: выход из холла был из других дверей, слева от дежурного. Она спустилась на несколько ступеней вниз, чтобы предупредить его, но он вышел. Ни охранники, ни персонал, снующий между дверьми, не сказали ему ни слова. Он просто прошел мимо них.

– Нина Сергеевна, кто был тот мужчина в черной рясе? – сходу задала вопрос Марта, вернувшись к дежурной.

– В какой рясе? Какой мужчина? – женщина округлила глаза.

– Он шел от стойки к выходу. Похожий на священника, – Марта знала, что врать Нина Сергеевна не станет, но могла в суматохе посетителя не заметить.

– Высокого мужчину я бы точно заметила, Марта. Тебе показалось. Если сомневаешься, давай посмотрим по камерам в холле? Может, и правда кто был...

– Да, точно. Я позже подойду к Борису Игнатьевичу, попрошу показать. Может, иностранец какой? Не смог попросить помощи и тихо ушел.

– Спроси, конечно! Мне теперь тоже интересно.

После того как Марта рассказала Борису Игнатьевичу о мужчине в рясе и попросила его посмотреть, почему его никто не заметил, он немедленно прокрутил запись с видеокamer холла. Но на видео ни до ее прихода к дежурному, ни после никакого священника и в помине не было. Марта стояла перед сотрудником службы безопасности как нашкодившая школьница и только разводила руками: она точно видела его, выходящего из холла, когда стояла на лестнице. В ответ на все эти оправдания охранник посоветовал взять Марте отпуск.

– Я подумаю об этом, – Марта не стала настаивать на повторном просмотре. – Я пойду, наверное. А то меня ждут с графиком.

– Ложная тревога, Марта. Не переживай. Бывает такое, что померещится от переутомления, и сам не знаешь, что это вообще было.

– Так я только заступила на дежурство, Борис Игнатьевич. Ну ладно, пойду я...

Она вышла из коморки службы безопасности, про себя решив больше никогда не вмешиваться в работу дежурных врачей.

Глава 3

– Сколько у нас времени? – дежурный врач отделения трансплантологии параллельно спешила уведомить всех дежурных хирургов о прибывших донорских почках, нажимая на все три экстренные кнопки срочного вызова врачей. Спустя несколько секунд отозвалась бригада Давида Шеридана.

– Около трех часов, – курьер городской травматологической больницы посмотрел на таймер контейнера.

– Кто он? – рывкнул в громкоговоритель хирург. Было слышно, что он говорит с дежурным курьером и на ходу дает указания своим ассистентам.

– Мужчина. Возраст – тридцать два года, разбился на мотоцикле. Отек головного мозга и кома. Спустя трое суток врачи зафиксировали смерть мозга.

– Хорошо, мы готовим операционную. Я сейчас спущусь и подпишу все необходимые бумаги.

Дамиан наблюдал за происходившим, казалось бы, совершенно безучастно. Ему не нравился сам хаос, который вызвал небольшой контейнер, прибывший в больницу несколько минут назад. Он плохо понимал, что происходит, но решил быть с этим контейнером до конца. Группа врачей уже спустилась в холл больницы Петрозаводска и обсуждала детали содержимого.

– На очереди два пациента, подходящих по всем параметрам. Это молодой мужчина тридцати шести лет и пятидесятивосьмилетняя женщина. Оба стоят на контроле в нашей больнице и три раза в неделю проходят процедуру диализа. Состояние женщины заметно хуже, чем мужчины.

– Она сможет перенести операцию? – главный хирург был сосредоточен. Он быстро просматривал истории болезней обоих пациентов и рассчитывал получить такой же быстрый ответ. Но группа молчала. Марта как главный врач-анестезиолог должна была первой дать ему быструю консультацию.

– Марта? – Давид всегда плохо сдерживал раздражение, если не получал нужные данные быстро.

Дамиан наблюдал за молодой женщиной. Она смотрела не на главного врача, а перебирала историю болезни со всеми показателями. Дух, почувствовав, что врач не уверена в своих словах, ждал, будет ли она врать.

– Почка по всем параметрам ей подходит... Но я не уверена, переживет ли она операцию, – наконец выдохнула она.

– Хорошо. Дай процентное соотношение.

– Тридцать пять процентов, – глядя на контейнер, сказала она. Марта понимала, что врать главному хирургу бесполезно. Но ей было жалко эту добродушную, тихо охавшую от каждого резкого движения немолодую женщину. Риски операций с донорскими органами должны быть минимальными, а при тридцати пяти процентах неудачного исхода, можно потерять и больного, и саму почку.

Дамиан был неприятно удивлен и услышанным, и увиденным. Сложив руки на груди, он наблюдал за Мартой с нескрываемым презрением. Ему захотелось самому понять, что сейчас происходит в ее голове. Он приблизился к ней максимально близко и почувствовал, что она успела полюбить эту женщину. Алиса Георгиевна никогда не жаловалась на свое здоровье и сопутствующие болезни боли. Она терпеливо выжидала очередь на диализ три раза в неделю, старалась двигаться самостоятельно, даже когда ноги вздувались так, как будто кожа вот-вот пойдет по швам. Марта любила заходить к ней просто поболтать и послушать последние пенсионерские сплетни. Она напоминала ей маму, которая умерла пять лет назад, оставив ее круг-

лой сиротой. Ей очень хотелось спасти Алису Георгиевну и осчастливить этим ее дочь, сына и трех внуков.

Дух решил сопровождать Марту до палаты женщины. Когда они вошли, пациентка выглядела так, как он ее и увидел.

– Алиса Георгиевна, мы рано подняли тревогу. К сожалению, донорская почка вам не подходит, – Марта всячески пыталась избежать прямого взгляда.. Женщина перестала суетиться и опустила руки на коленки.

– Ох, не дожидаться мне, чувствую, ее. Ну, ничего... Как Бог даст, так и будет. Не переживай, моя хорошая.

На Марте не было лица. Ей хотелось рыдать от бессилия, но решение, которое приняла комиссия, отменить не могла. Дамиан смотрел на нее с презрением: «Эти ничтожества решают, кому можно жить, а кому страдать?!» Он впервые за время обитания в больнице был по-настоящему зол и поспешил выйти. Если бы в этот момент на его пути стояли люди, он бы их грубо растолкал. Но уход Дамиана даже не заметили.

Спустя несколько часов он стоял в операционной черной тенью. Мог не приходить, но вернулся за справедливостью. Так он для себя решил. «Марта была права. Женщина богобоязненная, любящая мама, бабушка, заслужила шанс на жизнь». Он все еще надеялся, что молодая врач поступит по совести и заступится за Алису Георгиевну. Но чуда не случилось.

– Марта! – Давид, обладая настоящим мужским басом, гаркнул на врача-анестезиолога на всю операционную. Когда Марта подняла глаза, он сверлил ее взглядом из-под своих очков. Ни маска, скрывающая одну половину лица, ни очки, закрывающие другую, не могли скрыть его багровое от злости лицо. Несколько секунд Марта удивленно пялилась на шефа и честно пыталась понять, чем вызвала его гнев. Когда онемение прошло, она почувствовала, что держит в руках что-то мягкое. Она опустила глаза и увидела, что держит донорскую почку.

– Ты не можешь принимать таких решений! Никто из вас не может! – Дух крепко держал ладонь Марты с почкой в своей руке. Девушка пыталась понять, как она оказалась около контейнера с почкой и почему держит ее в руках, но не смогла. Она недоуменно уставилась на Давида и пыталась что-то сказать, но получилось лишь невнятное мычание. Больше всего пугало, что она не может разжать ладонь и от возникшего сопротивления ее мелко трясло.

– Марта! Верни орган на место! – Давид давно бы дал ей пощечину, но не мог выпустить из рук инструменты. Он максимально близко приблизился к ней и просто начал свирепеть. Марта вздрогнула и расслабила руку. Помощник хирурга, у которого буквально из-под носа стянули почку, быстро забрал ее из рук Марты и вернул обратно.

Пока Марту выталкивали из операционной, разъяренный Давид провожал ее взглядом. Она пятилась назад, пытаясь объяснить хоть что-нибудь, но смогла только открывать и закрывать рот. Оказавшись за периметром операционной, врач выдавила: «Я не хотела...»

Глава 4

Позавчерашний снег быстро растаял, а на улице было тепло и свежо. Врачи позволили маленьким пациентам-детям гулять в больничном сквере немного дольше, чем обычно. Все дорожки были усыпаны листьями, и детвора наперегонки собирала гербарий из красно-желто-зеленых листьев, махала всем встречным этими пестрыми вениками или устраивала салют.

– Хорошо, что сегодня такая погода. Как-то спокойнее на душе, что ли. У тебя есть ощущение, что сегодняшнее дежурство в операционной пройдет удачно? – Марта отошла от окна и повернулась к своему коллеге – хирургу-трансплантологу Дэвиду. Она всегда ориентировалась на его интуицию. Его опыт позволял ей, начинающему анестезиологу-реаниматологу, настроить себя на операции в день дежурств.

Давид слегка качнул головой и продолжал вычитывать историю болезни одной из пациенток. Угрюмый на вид хирург всегда был неразговорчив. От него сложно было добиться похвалы после или поддержки до операции. Но за всеми своими ассистентами он всегда внимательно наблюдал. Мог неожиданно без каких-либо объяснений заменить одного из помощников, и на него за это никто не обижался. Его двадцатилетний опыт работы и профессионализм были главным оправданием отбора людей в команду. Поэтому иногда для уверенности, что Давид включит Марту в свою операционную бригаду, она спрашивала его про интуицию. Главный хирург обычно поднимал глаза от бумаг, внимательно смотрел на группу врачей и кивал. Это означало, что он менять людей не станет и Марта сможет ему ассистировать. В этот раз все было немного по-другому. Он не посмотрел на нее. И она догадывалась почему. На последней операции она вела себя странно. Они оба понимали, что ее поведение в операционной было на грани фола. И оба понимали, что серьезного разговора не избежать.

– Почему у тебя такой вид?

– Какой?

– Ты понимаешь, о чем я...

Марта провела рукой по коротко стриженным волосам. Решение подстричься под ежик пришло спонтанно. Просто пошла и состригла волосы.

– Я начала бегать по утрам. Вот уже несколько дней как. Знаешь, освежает, бодрит. Это полезно, в конце концов...

– Зачем надо было стричься так коротко? – Давид достал сигарету. Это означало лишь одно – он ей не верит и будет допрашивать, пока не добьется правды.

– Ты знаешь, сколько времени надо, чтобы после душа утром высушить волосы? Каждый день на сушку уходит около тридцати минут. У меня нет столько времени. А с мокрой головой осенью я выходить не рискую.

Давид молча смотрел на нее. Марта стояла у окна, и из-за солнечного света он не видел ее лица. Но над ее макушкой светил луч солнца, образуя своеобразный нимб. Он про себя улыбнулся, но виду не показал.

– Марта, если тебе надо поговорить о том, что было в операционной, я лучший слушатель. Мы сможем вместе разобраться с этим. Возможно, это переутомление, стресс, гормональный всплеск. Но нам надо будет об этом поговорить.

– В общем, я тебе сегодня не ассистирую?

– Нет. Сегодня нет.

– Хорошо. На сколько операций я отстранена?

– Пока не расскажешь, что с тобой произошло...

Марта знала, что спорить с ним было бесполезно. Но если она расскажет, что на самом деле она ощущала на последней операции, он отправит ее сначала к штатному психологу, а тот наверняка в городской психдиспансер. В итоге ее слуховые галлюцинации они назовут шизо-

френией. Как она, пройдя такой долгий путь от младшего интерна до врача-анестезиолога, могла это допустить? Она подстриглась и начала бегать по утрам, чтобы перестать думать о последней операции, пытаюсь объяснить все произошедшее себе самой в том числе.

– Есть душевные переживания, которые многие обсуждают с наставниками в церкви, например, – продолжал Давид, перелистывая больничную карту. – Если ты не хочешь доверить мне что-то более личное...

– Ты предлагаешь сходить исповедаться?

– Почему нет?

– Я атеист. Или атеистка, как правильно?

– Я тоже. Но иногда, когда совсем прижимает, хожу выговариваюсь.

Марта никак не ожидала от него такой откровенности. Ей было просто сложно представить Давида Шеридана в церкви с тонкой свечкой в больших волосатых руках. Он был крупного телосложения, высокого роста, с большой головой на короткой шее. Кроме того, он был уважаемый ученый, доктор медицинских наук, практикующий хирург, который одним суровым взглядом карих глаз мог испепелить любого черта. Хоть настоящего, хоть в облики человека.

– Я в порядке. Мне просто нужно время разжевать ту ситуацию, переварить и...

– Хорошо. Но не затягивай с этим. Или я отправлю тебя в отпуск на пару недель.

Врач понимала, что настаивать на своей адекватности бесполезно и убеждать, что инцидент, который случился в операционной, больше не повторится, смысла не было. Сейчас было главным показать Давиду, что она согласна с ним и ее поведение на операции по пересадке почки было безобразным. Как сказал сам Давид после операции, на грани фола. Ей нужно было во что бы то ни стало продемонстрировать ему, что она прислушивается к его советам и готова сделать так, как он сказал. Можно даже не просто пойти в церковь, а принять крещение. Марта сама удивилась такому решению, но было ощущение, что так надо. Возможно, придет спокойствие...

Глава 5

Держась ближе к стене, она смотрела на окружающих скорее с любопытством, чем с удивлением. Людской поток делился на две очереди: на тех, кто пришел помянуть своих родных и поставить свечки за упокой, и на тех, кто пришел помолиться о здравии. Главным указателем, кому и куда идти, был священнослужитель. Но, чтобы дойти до него и расспросить о запланированном обряде крещения, нужно было все-таки отстоять очередь, купить свечей в прицерковной лавке и поставить свечку иконе, на которой был изображен Иисус. Как точно икона называлась, Марта не знала и, просто наблюдая за впереди стоящими людьми, повторяла все манипуляции. Будучи медиком в третьем поколении, она скорее относилась к атеистам. Решение принять крещение стало неожиданным для нее самой. Тем не менее, она тщательно к нему приготовилась.

Крепкий запах ладана, легкий гул голосов и полумрак нагоняли сон. Но делать было нечего. Навязчивая идея не оставляла ее в покое. Сейчас, когда она стояла с зажженной свечой перед иконой Божьей Матери, ее сережка в носу выглядела, скорее, как вызов всем прихожанам. Кто-то замечал и отворачивался, кто-то демонстративно разглядывал. Но ей уже было все равно. Главное – дойти до священнослужителя, чтобы исповедаться и причаститься. «Интересно, что батюшка скажет, когда увидит почти бритую голову», – переживала Марта, зажигая свечу перед очередной иконой. Она уже носила пирсинг в носу и ушах, и особого ажиотажа ее коротко стриженный череп у знакомых и коллег не вызвал. Было лишь опасение, что служитель церкви мог ее не понять...

Лучшему другу о кардинальной смене имиджа и крещении она тоже говорить не стала. Хотя чувствовала из-за этого угрызения совести. За десяток лет дружбы, начавшейся еще со школьной скамьи, они испытывали скорее родственные, чем дружеские чувства. Поэтому всегда держали друг друга в курсе своих дел и не теряли связи. Пожалуй, Натан был единственным по-настоящему близким человеком для Марты. Еще будучи школьницей, Марта, единственная в своей семье, относилась к Натану, долговязому рыжему курносому парню, скорее, как старшая сестра. Он был неуклюжий ботан, неспособный на мальчишеские разборки с одноклассниками и приставания к девочкам.

Их сблизила история с его спасением на озере. В двенадцать лет Марта плохо плавала, но Натан плавал еще хуже. Поэтому школьный пикник одноклассников у озера стал бы для него последним, если бы не она. Когда школьный автобус приблизился к озеру, Натан сразу собрал свои рыбацкие снасти, взял в аренду резиновую лодку и отчалил подальше от берега, чтобы порыбачить. В принципе, хороший улов стал бы для него большим плюсом в глазах одноклассниц – всем хотелось попробовать настоящей походной ухи, а не давится подтаявшими бутербродами с килькой, колбасой и сыром. Единственный человек, которого Натан предупредил, что пойдет рыбачить, была Марта. Ей он как-то доверял и в какой-то степени уважал: она всегда могла постоять за себя и кого-нибудь, кто слабее. Пообещав ей, что отплывать далеко от берега он не станет, Натан все-таки отчалил на своей лодке к середине озера. Про него все почти совсем забыли. И, если бы Марта, повинувшись интуиции, не пошла к озеру, пикник бы стал для него последним. В тот момент, когда она уже приближалась к берегу, Натан, согнувшись наполовину, пытался ухватиться за края лодки и выпрямиться. Он издавал какие-то звуки то ли радости, то ли ужаса. Весла, которое обычно висит на краю борта, не было. Горе-рыбак, увидев Марту, стал размахивать металлической сеткой с пойманными мелкими рыбешками. В конце концов не удержав равновесие, он стал опрокидываться спиной назад и, раскидав сетку и удочку в разные стороны, выпал из резиновой лодки.

Даже не задумываясь о том, что она могла сама утонуть, Марта кинулась в воду. Она плохо помнила, как доплыла до него, как нырнула под лодку и каким образом ей вообще уда-

лось всплыть вместе с ним к резиновому борту. Но у нее это получилось. С тех пор они сдружились и, как-то не сговариваясь, предупреждали друг друга о важных событиях в жизни, а если требовалось, то обеспечивали друг другу алиби перед родителями. Историю про крещение Натан просто бы не понял, и эта тайна осталась между ней и Богом. Да и лишние вопросы, на которые у нее не было вразумительных ответов, ей были ни к чему.

Когда Марте на шею надели крестик, она еще раз неуклюже перекрестилась.

– Ты теперь не одна, – священник погладил ее по голове. Она подняла глаза. После нескольких секунд молчания, он добавил. – Не знаю, хорошо это или плохо, но чей-то Дух тебя явно бережет.

– Надеюсь, это все-таки хорошо, – буркнула Марта, повязывая платок.

– Назло всем живи. Поняла? – неожиданно добавил он.

– Я врач. Я знаю цену жизни, – ответила Марта, не понимая, к чему клонит милый старец и почему он вдруг стал таким серьезным. Он смотрел немного выше ее головы и как будто даже обращался не к ней, а кому-то сзади. Дух смотрел батюшке прямо в глаза и понимал, что служитель церкви чувствует его присутствие.

– Я категорически против! Нет тебе причин ходить к этому священнику и в чем-то исповедоваться. Нет на тебе таких грехов, – недовольно произнес Дамиан, обращаясь к затылку Марты. Ему не понравился последний комментарий, и он положив ей на плечи руки, повел перед собой.

Никаких радостных ощущений у Марты, как отзывались об обряде крещения в интернете, у нее не было. Наоборот. Непонятная тревога поселилась в душе и не давала голове покоя. «О чем вообще шла речь? Почему он потребовал пообещать ему такое? Никто не собирается помирать», – задумалась она, закидывая деньги в лоток на выходе из церкви.

Из церковного парка она вышла прямо к автостраде, забитый автомобилями. Затор в это время не был редкостью. Заметив, что вторая половина трассы практически пуста, так как основной поток был из города, Марта решила сократить путь, иначе до светофора нужно было пройти не меньше пятисот метров. Она прошмыгнула сквозь три полосы автомобильного ряда и собралась перебежать вторую пустую часть дороги. Но сделав буквально несколько шагов вперед, неожиданно для себя, попятилась назад и снова оказалась на разделительной полосе, спиной чувствуя, как автомобили плотно прижаты друг к другу. Через долю секунды в нескольких сантиметрах от нее пронеслась легковушка, спешащая на мигающий зеленый левый поворот развязки. Марта не успела испугаться, но заметила, что краем своего расстегнутого пуховика протерла ей пыльный бок. Первой мыслью после того, как машина скрылась за поворотом, было то, что она все-таки не зря прошла обряд крещения.

– Тебе незачем больше приходить к этому батюшке, – спокойно сказал Дух, крепко сжимая капюшон ее куртки. – Я ведь рядом, – он расслабил ладонь и легко толкнул ее в спину.

Дамиан позволил ей вернуться домой самостоятельно. Хотелось побыть одному и хорошенько подумать, стоит ли Марта свеч? На следующий день, когда он поздно вечером снова оказался в ее квартире, она готовилась ко сну. Подопечная и думать забыла о предостережении священнослужителя, но Дух все еще был зол.

– Ты теперь совершенно несимпатичное существо, – Дамиан недовольно ее рассматривал. – Зря я решил тебя подстричь. Но раз уж ты живешь как монашка, почему бы и не пойти на постриг?

Дух сам себе признавался, что в ней не было ничего особенного, если бы не глаза. Они казались ему знакомыми и напоминали кого-то родного... из другой жизни. Теперь, когда решение было принято, ему захотелось больше узнать о ней. Не спеша блуждая по квартире, он разглядывал книги, девчачьи побрякушки на столике, шкаф с явно девчачьим гардеробом.

В квартире ему было тесно: невысокий потолок давил, а длинные ноги и руки приходилось контролировать. Он, конечно, мог приглушать звук задеваемой мебели и вещей, но делать

этого сильно не старался. У него просто не было настроения на такие заморочки. Рассматривая ее платья и палантины, подселенец, не рассчитав силы, раздраженно хлопнул дверью шкафа, и та с грохотом закрылась. Дух понял, что Марта проснулась, но еще не понимала, откуда был грохот. Девушка накрылась одеялом по шею, явно чувствуя его присутствие. Ее огромные от страха зрачки были расширенны. Девушка даже не догадывалась, что смотрит прямо на него, и его это немного позабавило.

– Спи...

Он положил длинную ладонь поверх одеяла, стараясь легко похлопывать. Через минут пятнадцать Дамиан почувствовал, как ее тело расслабилось. Опекаемая спала.

– Обещаю, что я буду добросовестно заботиться о тебе, если ты не будешь полной дурой.

Черная тень вышла в окно и закрыла за собой форточку. На улице шел первый снег поздней осени. Правда, падал он вверх. Духа это успокаивало: снег, падающий прямо на лицо, его почему-то сильно раздражал. Несколько движений ладонями хватало, чтобы иногда устраивать подобные фокусы.

Глава 6

– Ты, несомненно, похорошел, но все такой же ботаник, – Марта дружелюбно похлопывала Натана по широким плечам. – Я рада за тебя, дружище!

– Я сам за себя рад, – рассмеялся Натан. – Мне надоели эти смотрины невест, которые устраивали родители. Не говори моей Натали, что я носил огромные диоптрии и брекеты в школе. Я эти фотографии сжег.

Марта видела, что Натан по-настоящему счастлив. Жениться его насильно, конечно, никто не заставлял, но для всей его родни это была идея фикс. Все друзья были в это вовлечены. Она, конечно же, рассказала Натану, что его родители просили присмотреть ему подружку, но сам разговор вызывал у нее, скорее, умиление.

Родители опекали его, тридцатичетырехлетнего мужчину, как маленького и считали себя ответственными за его холостяцкий статус. На Марте в период активного сватовства лежала ответственная миссия – дать первую оценку выбора их любимого единственного ребенка. Подруга детства, конечно, в личную жизнь Натана не лезла, но, когда она познакомилась с Натали, его выбором осталась довольна. Младше его на десять лет, она отличалась от своих ровесниц скромностью и молчаливостью. Зато Натан при ней не умолкал ни на минуту. Это было на него не похоже, и Марта искренне радовалась, что друг весь искрился, как оголенный провод.

К свадьбе родители начали готовиться еще до того, как Натан сделал предложение Натали. Даже созвучность их имен родители называли хорошей приметой для пары. Друг детства то ли в шутку, то ли всерьез настаивал, чтобы Марта стала его шафером на свадьбе. Конечно, она отказалась, но ей было приятно, что их дружба для него так много значит. И это было взаимно.

После смерти матери именно Натан занимался всеми вопросами по организации похорон, и именно он взял на себя миссию вывести Марту из депрессии от нахлынувшего одиночества. Даже пару раз знакомил ее со своими друзьями и коллегами, пытаясь выдать замуж. Но они были клонами самого Натана, и все первые свидания с ними становились последними.

В день своей свадьбы Натан терроризировал телефон Марты. Планировалось, что торжество пройдет с размахом, и молодожену было важно мнение своей подруги: она-то уж молчать не станет и скажет всю правду и поставщикам, и организаторам. Поэтому «ревизор» приехала за два часа до начала церемонии и с важным видом выслушала весь сценарий свадьбы, проверила трезвость шафера, выпила бокал вина за здоровье молодых с его родителями и в итоге осталась довольна. Теперь все, что ей хотелось, – найти тихий уголок и почитать какую-нибудь книжку из семейной библиотеки.

– Ты не забыла, что за тобой первый тост? – Натан как мог строго посмотрел на Марту. – А что с твоей прической? Ты линяешь? – он сам от души засмеялся своей шутке и погладил подросший ежик на голове Марты.

– Да, животные всегда удивляли меня своей мудростью. Иногда шкурку полезно сбрасывать, – рассмеялась Марта. – Я так выгляжу помоложе, как думаешь?

– Да ты нестареющая какая-то. У меня уже спрашивали, что за девочка-подросток около тебя крутится, – Натан развел руками. – Я им сказал, что ты не моложе меня. Они очень удивились.

– Слушай, да ты научился делать комплименты?

– Да я честно говорю! Можно мне рассказывать, сколько тебе лет?

– Нет. Я еще расту, – Марте неожиданно для нее самой понравился комплимент, и она от души засмеялась.

– Кстати, ты в курсе, что те, кто говорит тост, поднимается по специальной винтовой лестнице, прикрепленный к двухсотлитровому бокалу, черпает вино и выпивает весь черпак до дна?

– Что? Ты шутишь? Я думала, это декоративный фужер! Там что? Настоящее вино?

– Ну, конечно! На моей свадьбе нет декораций! У нас все по-настоящему!

У Марты буквально вытянулось лицо. Пятиметровый бокал, обвитый позолоченной винтовой лестницей, был наполнен доверху.

– Да как же я в таком обтягивающем платье на него взберусь?

– Зато есть шанс, что по пути туда-обратно ты обратишь на себя внимание какого-нибудь красавчика и он увезет тебя на белом коне. Только зря ты свои кудряшки срезала. Так шансов было бы больше. Может, парик тебе быстренько подберем?

– Натан, перестань!

– Все. Молчу-молчу.

Они подошли к бокалу, и Марте стало по-настоящему смешно. Она представила, как гости, чтобы выпить за здоровье молодых, взбираются на бокал, выпивают из полулитрового черпака и уже пьяненькие не могут спуститься обратно.

– Ты тоже об этом подумала? – Натан от души гоготал.

– Натан, это ж не смешно. А если, опьянев, слетит кто?

– Не, не слетит. Всего пять метров. Да там страховочка предусмотрена. Еще и специальный батут расстелили. Кстати, скажу маленький секрет! Для пожилых, чтобы не лезли наверх, есть краник в бокале. Не переживай, уже пьяненьким гостям наверху будет делать нечего. Они смогут выпить и внизу.

Только сейчас она увидела, что вокруг ножки бокала действительно расстелен резиновый матрас, накрытый красивыми коврами, а через каждые три ступеньки лестницы был прикручен маленький шлагбаум. Видимо, с расчетом, что вниз лететь гость будет, хватаясь за перегородки, немного медленнее.

– Это будет, конечно, еще то шоу, – Марте впервые в жизни захотелось надавать тумаков Натану.

– Кстати, наш фотограф свадебный тоже лысый. Вернее бритый, как и ты. Это мода такая, что ли?

– Это природа, Натан.

– Ладно, побегу я. Не скучай! – Натан побежал рысцой к своей невесте, которая подзывала его к себе.

Теперь, зная весь замысел с бокалом, Марта стояла около него и визуализировала, как будет на него взбираться, напиваться, а потом спускаться. Естественно, ей как первой говорящей тост никто краником воспользоваться не даст, а час икс неуклонно приближался.

– Бредовая идея, конечно. Но фотографии должны получиться что надо.

Марта от неожиданности вздрогнула и резко обернулась, увидев перед собой того самого лысого фотографа.

– Рафаэль, – мужчина высвободил руку и протянул ее Марте.

– Марта, – она автоматически протянула свою.

– Что? Думаете теперь, как вы будете выглядеть наверху?

– Я думаю, что я зря пила за здоровье молодых с родителями Натана.

– А, того самого жениха? Да, будет интересно глянуть. Лично я собираюсь у этого бокала дежурить.

– Не фотографируйте меня. Я позже, когда он вернется со свадебного путешествия, надаю ему люлей.

Рафаэль заразительно рассмеялся. Высокий, спортивного телосложения мужчина был увешан фотоаппаратом, треногой-трансформером и сумкой с батарейками. Его можно было

назвать красавчиком, если бы не темные круги под глазами и чисто выбритая голова. Большие карие глаза заслезились от смеха.

– Зная, какие знатные гости приглашены на свадьбу, завтра эти фотографии станут бомбой, – Рафаэль продолжал смеяться.

– Вы же не собираетесь их опубликовать?

– Нет, конечно... Но соблазн такой есть.

Марта посмотрела на веселящегося фотографа без тени на улыбку, но он как будто этого даже не замечал. Ей хотелось пойти к Натану и заявить, что она не собирается смешить фотографа своими акробатическими этюдами на бокале, но было уже поздно. К ним приближался тамада с микрофоном и оператором.

– Дамы и господа! Давайте поприветствуем самого настоящего друга семьи и жениха – Марту Ленских! – орал тамада в микрофон, окончательно оглушив и саму Марту, и фотографа. – Это правда, что вы однажды спасли жизнь Натану?

Марта растерялась. В голове был тост, который она предварительно написала и выучила наизусть, а не рассказ про то, как Натан чуть было не утонул на рыбалке. Прошло несколько бесконечных секунд, пока она поняла, о чем ее спрашивают.

– Да. Было такое.

– То есть без вас, по большому счету, мы сегодня не гуляли бы на этой замечательной свадьбе?

Зал зааплодировал и загудел. Марта до сих пор не понимает, почему Натан так гордился этой историей. Скорее всего, его родители таким образом снова поблагодарили ее за спасенную жизнь их единственного ребенка.

– Натан замечательно плавал. Я просто оказалась рядом, чтобы он далеко не уплыл, – из головы окончательно вылетел заготовленный тост, и Марта почувствовала, как покраснела.

– Ну, что ж! Гип-гип, ура, друзья! Марта, вам предоставляется слово как лучшему другу семьи! Там, наверху, вас ждет большая чарка вина!

Гости одобрительно загудели, музыка стала громче, а лучи прожекторов теперь сошлись в одной точке – на Марте у гиганта-бокала. Делать было нечего, и ей пришлось лезть на этот, уже тысячу раз посланный ко всем чертям, сосуд. Коленки дрожали, света от прожекторов было так много, что она не видела ни ступеньки, ни перила лестницы. Когда названная сестра оказалась на своеобразной подставке у края бокала, ей уже не хотелось никакой свадьбы и гулянки, на которую она сильно рассчитывала. Руки вспотели, микрофон пытался выскользнуть, а каблук туфли застрял в решетке маленькой ступеньки. Марта, на полусогнутых ногах потянулась за хрустальным черпаком, висевшим на обратной стороне перил, но, когда попыталась выпрямиться, почувствовала, что на ее шее чьи-то руки. Девушка хотела обернуться, но неожиданный толчок вперед окончательно сместил ее центр тяжести, и она, ударившись головой о край сосуда, пошла на дно.

Глава 7

Лежать с открытыми глазами было неприятно. Голова болела, тело было ватным, а мысль о том, что она, сама того не желая, стала гвоздем свадебного шоу, вызывала физическую тошноту. «Завтра все только об этом нырянии в бокал будут говорить», – Марта поморщилась и снова почувствовала прилив тошноты.

– Тебя тошнит? Ты все-таки успела нахлебаться вина? – Рафаэль стоял, облокотившись о дверь библиотеки.

Марта вздрогнула всем телом, но в полутемной библиотеке Рафаэль этого увидеть не мог.

– Долго ты тут стоишь? – она совсем не ожидала, что в комнате есть кто-то еще.

– Минуты две. Ты еще лежала с закрытыми глазами, когда я вошел. Я решил тебя не беспокоить и тихо постоять здесь.

– Мне надо вернуться. Я обещала Натану тост, – Марта засобиралась. Встать быстро не получилось, и она лишь сделала рывок вперед.

– Думаю, Натан тебя поймет, если свой тост ты пропустишь, – он едва улыбнулся, но в голосе не было издевательской иронии. Скорее всего, он хотел поддержать разговор. – Ты, правда, в порядке? Ты такого же темно-зеленого цвета, как твое платье и этот симпатичный головной платок.

– Это тюрбан.

– Теперь понимаю, зачем он тебе. Ты весьма экстравагантная дама. Ныряешь в бокал с вином, носишь тюрбан, ходишь почти без волос на голове. Наверное, есть пирсинг и тату?

– Почему я не помню, как оказалась здесь?

– Потому что ты ударилась головой о край бокала и топориком пошла на дно.

Только сейчас Марта почувствовала на лбу большую заплывшую шишку с небольшим рассечением брови.

– Не пойму. Голова болит из-за шишки или из-за того, что я успела нахлебаться вина.

– Думаю, все сразу. Мне кажется, тебе нужно вызвать скорую помощь. Ты, правда, плохо выглядишь.

– Я сама врач. Я могу определить свое состояние. Натан, наверное, сильно расстроен. Никто теперь не будет лезть на этот дурацкий бокал и, уж тем более, пить из него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.